

СТИХИ

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Предисловие и публикация Л. Лазарева

Гудзенко писал стихи с пионерских лет, считался уже в студенческие годы подающим надежды, но только война, пережитое на фронте сделали его поэтом. Войне, людям, мужающим под огнем, и посвящено все лучшее, что он создал. «Для меня,— писал о Гудзенко Илья Эренбург,— он остался поэтом того поколения, которое начало жизнь у Сухиничей, у Ржева, под Сталинградом. <...> Гудзенко сумел заговорить среди шума битв, сказал многое за себя и за других»¹.

До того, как Гудзенко стал поэтом военного поколения, и для того, чтобы стать им, он был солдатом. Биография поколения во всем, до мелочей, была и его собственной биографией. Он шел с ровесниками по горьким дорогам отступления, поднимался под смертельным огнем в атаку, маялся на госпитальных койках. И когда уже после победы Гудзенко писал:

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы трень пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти,—

в этом не было поэтической поэмы...

В личном деле Гудзенко, хранящемся в Союзе писателей СССР, есть его автобиография, написанная 20 апреля 1952 г., когда поэт уже был тяжело болен. Она коротка, занимает всего несколько строк:

«Я, Семен Петрович Гудзенко, родился в 1922 году в Киеве. Окончил десять классов и переехал в Москву, поступив в ИФЛИ* им. Чернышевского. Летом 1941 года добровольно ушел на фронт, был ранен в 1942 на Смоленщине. С 1943 стал печататься. В 1944 году вышла первая книга стихов. После войны много ездил по стране».

Вот и всё. Но как ни лаконична автобиография, нельзя не обратить внимания на то, что семь послевоенных лет вместились в одну лишь фразу. Это не случайно. Война была и осталась для Гудзенко, как и для большинства его сверстников, самым жестоким и самым высоким испытанием их убеждений и духовных возможностей.

Показательно, что в рекомендациях, которые получил Гудзенко, когда в 1944 г. вступал в Союз писателей, уже сформулировано самое существенное, что характеризует и путь его в поэзию, и пафос его стихов. Вот эти рекомендации². Первая из них подписана командиром части, в которой служил поэт, подполковником Л. Студниковым:

«В Президиум Союза советских писателей.

В июле 1941 г. тов. Гудзенко С. П. пришел добровольцем в нашу часть. Находясь в одном из полков рядовым бойцом, С. Гудзенко написал песни „Добровольцы“, „Марш

* Институт философии, литературы и искусства.

С. П. ГУДЗЕНКО В БУДАПЕШТЕ

Слева и справа — сотрудники редакции газеты 2 Украинского фронта «Суворовский натиск»

Фотография, 25 февраля 1945 г.

Собрание О. И. Гудзенко, Москва

полка“ и „На защиту Москвы“, которые стали популярны среди красноармейцев и командиров.

В красноармейской газете „Победа за нами“ зимой 1941 г. начали печататься его первые стихотворения. Суровая правда войны, ясность и простота — вот отличительные черты произведений красноармейца-поэта. Для мобилизации личного состава на отличное выполнение боевых заданий командования песни и стихи С. Гудзенко имели большое значение.

Тов. Гудзенко сам участвовал в боевых операциях, в боях за Москву и под Сухиничами в составе лыжного отряда. Тогда он проявил себя хорошим, дисциплинированным воином. В одном из боев зимой 1942 г. он был тяжело ранен.

Личный фронтовой опыт помог поэту Гудзенко создать правдивые, искренние произведения. В июле 1942 г. тов. Гудзенко был прикомандирован к редакции нашей газеты, где и работает до настоящего времени. Поэма „Герои-лыжники“, посвященная легендарным товарищам по оружию, популярна у нас в части. Это — славная страница нашей боевой истории. Поэма Гудзенко неоднократно исполнялась на вечерах красноармейской художественной самодеятельности.

О своем друге по отряду — Герое Советского Союза Л. Папернике, павшем смертью храбрых в неравном бою с немецкими захватчиками, тов. Гудзенко написал несколько очерков. Один из них переведен на еврейский язык и издан отдельной книжкой.

Книга стихов „Однополчане“ печаталась на страницах нашей газеты. Стихи поэта-фронтовика пользуются большой популярностью у красноармейской аудитории.

Полгода, с мая по ноябрь 1943 г., красноармеец Гудзенко был нами временно командирован в Сталинград для работы поэтом в составе выездной редакции „Комсомольской

правды". Книжка стихов „Сталинградская тетрадь“, десятки очерков и литературных вечеров, тексты к плакатам — вот результат плодотворной работы молодого поэта на стройках Сталинграда.

Воспитанник нашей части, поэт-красноармеец С. Гудзенко является дисциплинированным воином, талантливым поэтом, произведения которого мобилизуют наш личный состав на выполнение специальных заданий командования в тылу врага.

29 февраля 1944 года.

Далее идут рекомендации трех писателей.

«Рекомендую поэта С. Гудзенко в члены Союза. По моему мнению, С. Гудзенко — один из наиболее одаренных и самостоятельных поэтов молодого поколения. Это поэт-воин.

26 февраля 1944 г.

Илья Эренбург»

«Семен Гудзенко — молодой поэт-фронтовик. Только что выпустил первую свою книжку в издательстве „Советский писатель“.

Стихи его, уже печатавшиеся в некоторых журналах, сразу обратили на себя внимание неподдельной жесткой честностью к пережитому, реальной правдой войны, которая нашла в них выражение. Гудзенко наблюдателен, он умеет видеть своими глазами.

В его стихах есть ошибки, но это талантливые стихи. Пока — это первый поэт, вышедший на наших глазах из армии и весьма значительно обогащенный своим фронтовым опытом. Мне кажется, что он достоин звания члена ССП.

27 февраля 1944 г.

П. Антокольский»

«Рекомендую принять в члены Союза писателей талантливого поэта Семена Гудзенко. Стихи его широко известны и любимы в Красной Армии.

28 февраля 1944 г.

Вас. Гроссман»

Публикуемые в настоящем издании стихи Гудзенко извлечены из записных книжек военного времени и бумаг поэта (весь архив поэта его мать, О. И. Гудзенко, передала в ЦГАЛИ, где он сейчас и хранится). В дополнение к ним дано три стихотворения из красноармейской газеты «Победа за нами». Стихи, публиковавшиеся во фронтовой печати в первые месяцы войны, затем не перепечатывались и в сборники автором не включались. И дело не столько в их художественном несовершенстве, сколько в том, что Гудзенко в ту пору считал это занятие — писание стихов — делом «подсобным». Главным оружием его была винтовка. В неопубликованных воспоминаниях военного врача И. Ю. Давыдова, который в первые месяцы войны служил с поэтом в одной части, рассказывается, что осенью 1941 г. Гудзенко отказался от предложения перейти в редакцию бригадной газеты. Интересно, что в записных книжках почти нет «заготовок» для стихов, напечатанных во фронтовой печати, — вероятно, потому, что они в очень малой степени выражали еще личный опыт поэта. Сам он считал лишь 1943 г. началом литературной деятельности. Иногда в газете под его стихами стояла подпись «красноармеец С. Гудзенко», словно бы свидетельствуя, что автор себя поэтом еще не считает. Однако эти стихотворения Гудзенко помогают понять, как красноармеец, писавший стихи, превращался в поэта военного поколения.

Начиная с 1942 г. — после ранения — записные книжки Гудзенко все больше превращаются в рабочие тетрадки поэта. Здесь черновики стихотворений, наброски, начатые и не оконченные вещи. Несколько такого рода не завершенных окончательно стихотворений включены в настоящую публикацию наряду со стихотворениями законченными, но не увидевшими по разным причинам света.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. «Новый мир», 1963, № 1, стр. 99.

² Тексты рекомендаций приводятся по подлинникам, хранящимся в личном деле поэта в отделе творческих кадров Союза писателей СССР. Копии находятся в ЦГАЛИ, ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 190, лл. 1—3.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

Мы шли плечо к плечу,
Спали спина к спине,
Ели из одного котелка.
Армейская жизнь нелегка.
И я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

Мороз обжигал лицо.
Ветер бросал в сугроб.
На лыжах не устоять.
Нас взяли тогда в кольцо.
Казалось, что дело — гроб,
Казалось, не устоять.

Но мы прошли сквозь пургу,
Мы вырвались из кольца.
И мы опять на снегу
Спали спина к спине.
Да,
я узнал на войне,
Что значит плечо к плечу.

9 апреля 1942 г.

Записная книжка № 3 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 91, л. 32)

МОГИЛА ПИЛОТА

Осколки голубого сплава
Валяются в сухом песке.
Здесь всё:

и боевая слава
И струйка крови на виске...

Из боя выходила рота,
Мы шли на отдых, в тишину
И над могилою пилота
Почувствовали всю войну.

Всю.

От окопов и до тыла,
Ревущую, как ястребок.
И отдых сделался постылым
И неудобным городок.

Мы умираем очень просто,
По нас оркестры не звенят.
Пусть так у взорванного моста
Найдут товарищи меня.

<Апрель 1942 г.>

Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2)

Печатаемое стихотворение представляет собой первоначальную редакцию стихотворения «Отдых» (см. С. Гудзенко. Избранное. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 39).

* * *

С тяжелым танком
идет на запад
Зеленая,
как цвет брони, весна,
Болотный
или смол сосновых запаха
И тишина.
Ты спросишь, где война?
Она за каждым кустиком сирени,
В смолистом запахе
и топком мхе.
Я принимаю жизнь уже без всяких прений
В руках с ножом,
с взрывчаткою в стихе.

<Между 2 и 5 мая 1942 г.>

Записная книжка № 2 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 91, л. 89)

ДЕВОЧКЕ

...Мы до безумья молодые.
Я каюсь, девочка, тебе,
Что не писал стихи литые
О цельносваренной судьбе.
Стихи писались на ходу,
Заучивались большаками.
Я бросил их на звонком льду —
Их помнит только мшистый камень
На перепутье трех дорог.
Когда-нибудь придет такая
И, всё читая между строк,
Меня за грубость изругает.
Я каюсь.

Но послушай.

Мы

Искали ритмы в пыльных маршах.
Шли в бой из детской кутерьмы.
Седели.

Становились старше.

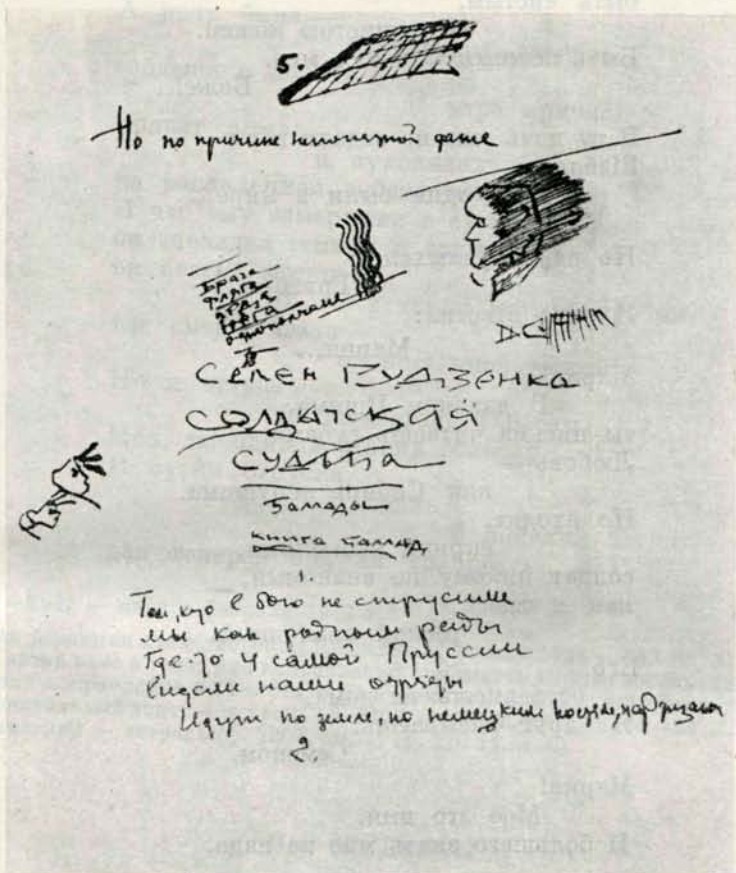
<Июль 1942 г.>

Записная книжка № 5 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 92, лл. 27 об.— 28)

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Написано много о ревности,
о верности, о неверности.
О том, что встречаются двое,
а третий тоскует в походе.

Мы ночью ворвались в Одоев,
пути расчищая пехоте.
И спирт разбавляя водю,
на пламя глядели устало.
(Нам все это так знакомо!..)

«СОЛДАТСКАЯ СУДЬБА»

Набросок заглавного листа к неосуществленному сборнику стихотворений С. П. Гудзенко

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Но вот
на пороге
встала
хозяйка нашего дома.
Конечно,
товарищ мой срочно
был вызван в штаб к военкому.
Конечно,
как будто нарочно
одни мы остались дома.

Тяжелая доля солдаток.
Тоскою сведенное тело.
О, как мне в тот миг захотелось
не вшивым,
не бородатым,—

А ночь была —
 безвыходно слепая:
 сойдешь с дороги —
 до утра кричи.
 Солдат лежал,
 в пуховиках растаяв,
 на раскаленной добела печи.
 И что ему замерзшие в сугробах,
 он завладел теплом и тишиной,
 он восемь месяцев
 в такой могиле пробыл,
 где смерть была
 единственной женой.
 Но и оттуда
 не бежал он к бабам.
 Мол, ты один в атаках голосуй...
 И сутки отпуска,
 медаль
 и поцелуй
 дал генерал ему за храбрость...

<1941—1942 — январь-февраль 1943 г.>

Первая редакция стихотворения написана в тетради 1941—1942 гг., затем в начале 1943 г. автор внес в текст ряд исправлений, переписав первые восемь стихов и наметив на полях исправление в 14-м стихе. В публикуемом тексте эта правка учтена.

Первоначальный текст — тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 4, л. 34—34 об.).

Исправления — тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 11, л. 6).

МЫ СТУДЕНТЫ

Год отступления горек.
 Нам он зачтется за сорок
 самых тяжелых лет.
 Вспомни оставленный город,
 как он смотрел нам вслед.
 Вспомни распахнутый ворот:
 «Всех не прикончите!
 Нет!»

<Январь — апрель 1943 г.>

Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 11, л. 66).

Печатаемый отрывок является началом задуманной поэмы. После заголовка — «Поэма „Мы студенты“» — записан план:

1. Вступление
2. Отступление — Юдин
3. Под Москвой — Саховалер
4. Сухиничи — Черный
5. Наступление — Непомнящий
6. Эпилог.

Упомянутые в плане фамилии принадлежат студенческим друзьям Гудзенко, добровольно ушедшим на фронт. Следующие в тетради за публикуемыми строки: «В августе на Украине...» вошли в «Балладу о знамени» (см. С. Гудзенко. Избранное. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 26).

ДЕВУШКЕ

Есть грусть в любви,
но не у нас.
У нас в крови
железо есть.
Познали мы
и боль,
и месть,
и смерть видали без прикрас.

Мои друзья
сильны душой.
Мои друзья
народ большой.
Мои друзья
прошли войну
и сильными пришли домой.

Прошу тебя поверить мне:
я верность
сохранил навек.
Ее проверил на войне
в глуши лесов,
в пучине рек.

Когда мы встретимся с тобой,
я расскажу тебе опять
про город мой,
про трудный бой,
про то, как мы умели ждать.

<1943>

Тетрадь (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 16, л. 56)

* * *

Опять ты меня за молчание
бранишь, ничего не прощая.
Я снова, как при расставании,
почаще писать обещаю.

Но к письмам привык я за месяцы,
за долгие дни у Дуная.
И снова мне хочется встретиться
хотя бы на сутки, родная.

Ведь письма лишь в счастье пропуск —
тревожные все и туманные,
а встречи, как воинский отпуск, —
короткие и долгожданные.

Будапешт, 18 февраля <1945 г.>

Записная книжка № 8 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 95, л. 3).

Дата в черновом автографе стихотворения (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 93, л. 47 об.)

«ОДНОПОЛЧАНЕ»

Сборник военных стихов С.П. Гудзенко
М., «Сов. писатель», 1944

Обложка

ОДНОПОЛЧАНЕ

СТИХИ

советский писатель 1944

* * *

Если я буду поэтом —
малы
все монографии, книги, обзоры,
большой не нужно
мне похвалы,
чем присутствовать
при разговорах
двух ветеранов
новой войны,
которая будет последней.

4 августа <1945 г.>

Записная книжка № 10 (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 96, л. 12—12 об.).

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Что ты там ни говори о мире —
мы еще на подступах живем.
Дело не в постели и квартире,
дело не в прощанье с блиндажом
и шинелью.

Суть совсем в другом.

Мы с тобой пять лет провоевали
и пять лет писали о войне,
разве мы на первом же привале
говорить могли о тишине?

Разве всё, что в плоть и кровь годами
с порохом и копотью вошло,
можно выжечь штатскими словами,
сделать штатским наше ремесло
фронтовому гонору назло?

За два года не переучиться,
в памяти походы бережем.
В души нам баталія стучится,
может еще всякое случиться,
не на век прощались с блиндажом...*

Ну а жизнь не медлит ни мгновенья.
В полный рост и в полный разворот
наступает наше поколенья
и на поворотах
нас не ждет.

По-другому думая о завтра,
по-другому мысля о былом,
и пока нерасторопный автор
над своим колдует ремеслом,
полной грудью дышат наши други
по стрелковым ротам. И уже
под прямой наводкой зимней вьюги
встали на уральском рубеже,
на лесах у комсомольской домны.
И пошли такие чудеса,
что земля поблескивает скромно
и молчат с тревогой небеса...

Там насквозь до самого заката
тянется степная полоса,
и стоит, как памятник солдату,
тополь, упираясь в небеса.

И такая ширь, что, задыхаясь,
не увидев края и конца,
из-за моря возвращаясь, аист
падает на землю, как пыльца.

Вот на этом бывшем поле боя
будет город — будет Сталинград.
В третий раз мы встретимся с тобою
и пойдем, как двадцать лет назад.

---

* На тех же листах есть следующие варианты первых строф:

Мир есть мир, как дважды два — четыре.
И, конечно, суть его не в том,
что хожу в костюме, не в мундире,
из окопа переехал в дом.

И не в том, что мы повоевали
очень долго на большой войне.
А потом мечтали на привале
о большой и долгой тишине...»

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

Рисунок Н. Н. Жукова (черная акварель), 1943
 Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

Мы из рук не выпускаем знамя.
 Нам на этом свете повезло,
 в плоть и кровь горение вошло
 и не превратилось в ремесло,
 и до смерти завладело нами.

<1947 г.>

Отдельные листы (ф. 2207, оп. 1, ед. хр. 32, лл. 19, 19 об. и 20).

ИЗ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ

РЕМЕСЛО

У разбомбленной автострады
 прапнелю обезглавлен бор.
 Обломки плит

и за оградой
 сожженный немцами собор.
 Они над прадедовской верой
 глумились, хохоча внадсад.
 На тополях

в зеленых скверах
 мои ровесники висят,
 свою смертью смерть поправ.
 А бой идет.

И мы,
 живые,
 У сталинградских переправ
 мстим за Одессу,
 мстим за Киев,

за матерей немую грусть,
за окровавленную Русь.
Мы этому учились,
  чтобы
за всё им отплатить сполна,
в полесских топях и чащобах
и в камышах твоих, Десна.
Ведь твой поток
  для них отрава,
могила —
  каждое село.
Мы мстим.
  И это наше право.
И это наше ремесло.

«Победа за нами», 7 октября 1942 г.

МАТЕРИ НАШИ ЗА НАМИ

Мать из дома ушла
с Украины родной,
исхлестанной палачами.
А теперь на сибирской дороге
  глухой
с мешком за плечами.
Это путь отступления сыновей.
И в скитаньях старух мы
  виноваты.
Нужно быть беспощадней,
  товарищ, и злей
Нужно насмерть стоять
с клинком и гранатой,
чтобы матери наши вернулись домой.
Пусть на щепе пожарищ —
выстроим хаты.
Мы с Десны и Днепра уходили с тобой,
мы за Буг уходили...
Мы виноваты...
Мать мою
голод душил в пути,
холод ломал ее старую спину.
Если ты немца вперед пропустил,
разве ты можешь быть любящим сыном?
Значит, ей снова шагать и шагать,
хлеб увязав в белом платочке.
И проклянет тебя старая мать,
тебя называвшая милым сыночком.
Нельзя отступать нам,
товарищ, с тобой.
Матери,
матери наши за нами.
Слышишь команду:
«В бой! В бой!»?
Рви ему глотку зубами.

«Победа за нами», 9 октября 1942 г.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

В блиндажах у замерзшей реки
 Этой ночью бойцы не спали.
 Над столом поднимали клинки,
 Так когда-то вино поднимали.

Этой ночью клялися везде
 На российских просторах широких
 Гнать врага по весенней воде,
 По снегам непролазным, глубоким.

Наступает решительный год,
 Год сражений, год испытаний.
 Никогда наш великий народ
 Пред врагом на колени не встанет.

...Новогодняя ночь холодна.
 За врагом по кровавому следу!
 Поздравляет героев страна:
 «С Новым годом — с новой победой».

«Победа за нами», 31 декабря 1942 г.

И Л Ь Я Э Р Е Н Б У Р Г

О ПОЭТЕ ГУДЗЕНКО

Из выступления на творческом вечере С. Гудзенко 21 апреля 1943 г.

Публикация В. А. Мильман и Л. И. Соловейчика

...Я не думаю, чтобы война была климатом, созданным для расцвета искусства, как ее хотят представить. Нелепо говорить о каждом периоде как о периоде расцвета. Говорят, что любой период способствует расцвету искусства. В таком случае искусство все время должно было бы процветать. Но это не так. В искусстве бывают срывы и подъемы. Период войны отнюдь не способствует расцвету искусства. Я не встречал садовода, который в энтузиазме патриотизма говорил бы, что сады его с необычайной силой расцвели во время войны. Мы больше всего сейчас боимся за самое существование садов, за то, чтобы они не были совсем уничтожены. Мы воюем за самое существование поэзии. Война найдет отражение в поэзии, но это не значит, что она способствует постоянному расцвету искусства в то время, как она происходит. Искусство чрезвычайно напоминает ту игру, в которую играли в детстве и юности люди моего поколения. Эта игра состояла в том, что фант платил тот, кто говорил «да» или «нет», «черное» или «белое». Искусство построено на том, чтобы не говорить «да» или «нет», «черное» или «белое», как живопись не применяет в чистом виде черной и белой краски, так и искусство в широком смысле отвергает черный и белый цвет. А война признает только «да» и «нет», только «черное» и «белое». Все промежуточное снимается и может только сорвать победу.

Вот почему я говорю, что настоящая поэзия войны придет лишь потом. Мне приходилось видеть людей, вышедших из боя. Я видел их близко. Мне всегда казалось, что они напоминают разбуженных от глубокого и тяжелого сна. У них всегда какие-то невидящие глаза. Они плохо соображают. Они только что оторвались от большого напряжения и с трудом переходят к мелочам другого периода — после боя.

С Гудзенко случилось, благодаря немецкой пуле, нечто подобное. Он на какое-то время вышел из боя. В первые месяцы после этого он молчал. Я не видел его тогда, но думаю, что у него были несколько невидящие, отрешенные от окружающего, глаза. Но

и в нем уже что-то вызревало. Он начинал смотреть на то, что он только что пережил. Пуля способствовала преждевременному развитию той поэзии, которая, вероятно, станет гораздо более распространенной через некоторое количество времени. Эта поэзия — изнутри войны. Это поэзия участника войны. Эта поэзия не о войне, а с войны, с фронта. Поэт писал эти стихи в какой-то период вынужденной передышки, в период перерыва, когда он мог что-то поэтически осознать. Именно поэтому его поэзия мне кажется поэзией-провозвестником. В ней меня потрясают некоторые внутренние черты. Он очень молод. Он принадлежит к тому поколению, которого мы еще не знаем, книг которого мы не читали, но которое будет играть не только в искусстве, но и в жизни решающую роль после войны. К этому поколению мы подходим с глубоким интересом и вниманием. От этого поколения, собственно говоря, зависит, что будет и как мы со всем справимся.

Что поражает в стихах Гудзенко?

Плотность и конкретность. Здесь нет никакой истерики, никакой духовности, которая почти бесплотна, как пар, которая абстрагируется. Здесь нет также высокого увлечения ритмом. Эта поэзия всецело на земле. Все ее находки сводятся к опознанию мира гораздо более, чем к изучению каких-то подводных и воздушных течений. Эта поэзия может некоторым показаться мало дерзкой. У нас есть теперь эпигоны дерзости, которые запомнили, как кто-то дерзал 25 лет тому назад, и считают, что тот, кто не повторяет этого, является по существу малодерзающим. Это исходит из абсолютно вздорного предположения, что в искусстве есть прогресс, в то время, как в искусстве нет абсолютно никакого прогресса. Прогресс может быть в технике, в жизни, но никакого прогресса от греческой скульптуры до той, которую мы видим у наших современников, нет. И это не потому, что современники не постарались. Нет прогресса и в поэзии. Абсолютная нелепость предполагать, что поэзия Маяковского представляет какое-то более прогрессивное явление по сравнению со стихами Пушкина, которые, якобы, являются устаревшими (подобно тому, как, когда изобретается автомобиль, отпадает передвижение при помощи лошадей). Нельзя прилагать технический прогресс к искусству. Это вздорное предположение.

Поэтика Гудзенко срастается с его существом. Было бы нелепостью подходить к этой поэзии с поисками той импрессионистической ритмики, которая была свойственна эпохе 25 лет тому назад. Это совершенно не то. В ней есть своеобразный классицизм. В ней есть то, что есть в музыке Шостаковича, то, что было в свое время названо смелым формализмом с натурализмом, что является смесью барокко с реализмом и что является чрезвычайно типичным для нашей современности и ее художественных произведений. Это вы услышите в стихах Гудзенко.

Я хотел бы закончить таким указанием: вспомните первую мировую войну. В 1914—1917 гг. в Европе не было ни одного человека, который не клялся бы, что эта война была последней. Об этом говорил Барбюс, говорил Клемансо. Теперь нет ни одного сумасшедшего в Европе, который бы сказал, что эта война будет последней. Если бы такой человек нашелся, его просто засмеяли бы. Он ушел бы пристыженный. Я не хочу сказать, что это явление прогресса или регресса. Теперь люди мудрее, чем были в свое время мы. Они родились несколько более взрослыми и многому от рождения научились.

У Гудзенко есть хорошие стихи об одном студенте, который стал на войне умнее, и то, что он стал на войне мудрым, автор доказывает одним соображением, что он стал чаще писать письма матери. Для того, чтобы определить это, как мудрость, надо самому стать взрослее. Ребенку и юноше никогда не придет в голову, что доказательством того, что он стал взрослее, является то, что он стал чаще писать матери. Юноша и ребенок, наоборот, думают, что взрослые люди совсем перестают писать своим родным. И человек, живший 25 лет тому назад, написал бы, что он стал взрослым и совсем забыл слово «мать». В этом различие поколений. На наше молодое поколение я гляжу не только с огромным вниманием, но и с волнением. Это то поколение, которое будет строить жизнь после нашей победы. Поэтому ко всему, что делает сейчас это поколение, я подхожу с таким нетерпением и волнением.

Печатается по стенограмме, хранящейся в архиве И. Г. Эренбурга.